

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-362-378

ИЗ ЯМАЛА В СЕРДЦЕ НОВОЙ ГВИНЕИ: К ВОПРОСУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТУРИЗМЕ

Наталия Юрьевна БЕЛЯКОВА¹, Артем Алексеевич ГАРИН²

¹НИУ ВШЭ, Москва, Россия

²ИБ РАН, Москва, Россия

¹natbelyakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6605-8211>

²a.garin@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4677-7221>

Аннотация: Российскими исследователями — представителями Русского географического общества, МАЭ РАН (Кунсткамера), Европейского университета и Института востоковедения РАН осуществлено комплексное экспедиционное путешествие, маршрут которого соединил север России и юг Тихого океана. Целью исследования стал сравнительный анализ трансформаций традиционной культуры малых этнических групп Ямала и Новой Гвинеи, объединенных общими паттернами кочевого или полукочевого образа жизни. В ходе полевого выезда собран эмпирический материал, содержащий ряд ценных наблюдений. Один из аспектов научной оптики исследования — анализ человеческого капитала как фактора развития научно-популярного туризма на примере комплексного экспедиционного маршрута. Рассматриваются возможности экспедиционных путешествий как особой формы производства, передачи и популяризации научного знания. На основе материалов полевых исследований, проведенных среди ненцев Ямала и короваев индонезийской части Новой Гвинеи показано, что современные маршруты научно-популярного туризма выступают не только инструментом изучения удаленных территорий и традиционных культур, но и пространством формирования человеческого капитала – участников выезда (профессиональных ученых и туристов), принимающей и обеспечивающей стороны. Обосновывается развитие в таких проектах исследовательских компетенций, межкультурной коммуникации, навыков работы в сложной природной среде, а также способствуют преемственности исследователей. Специальное внимание уделено взаимодействию ученых, представителей местных сообществ и участников научно-популярных программ, благодаря которому формируется уникальная образовательная и исследовательская среда. Делается вывод, что экспедиционный и научно-популярный туризм представляет собой перспективный механизм накопления человеческого капитала, обеспечивающий сохранение исследовательских традиций и расширение общественного интереса к науке, географии и культурному наследию.

Ключевые слова: человеческий капитал, научно-популярный туризм, экспедиционный туризм, Русское географическое общество, ИВ РАН, Ямал, Новая Гвинея, короваи, ненцы, научные экспедиции, популяризация науки

Для цитирования: Белякова Н.Ю., Гарин А.А. Из Ямала в сердце Новой Гвинеи: к вопросу человеческого капитала в научно-популярном туризме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 362–378. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-362-378

FROM YAMAL TO THE HEART OF NEW GUINEA: EXPEDITIONARY TOURISM AS A MECHANISM FOR HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

Nataliya Yu. BELYAKOVA ¹, Artyom A. GARIN ¹

¹ HSE University, Moscow, Russia

² IOS RAS, Moscow, Russia

¹ natbelyakova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6605-8211>

² a.garin@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4677-7221>

Abstract: Russian researchers representing the Russian Geographical Society, the Kunstkamera (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography), the European University at St. Petersburg, and the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences conducted a comprehensive expedition that connected the Russian North with the South Pacific. The objective of the study was to undertake a comparative analysis of transformations in traditional cultures along a single geographical trajectory extending from the peoples of Northern Eurasia to the ethnic communities of New Guinea. During the fieldwork, a unique body of empirical material was collected, providing a number of valuable observations and research findings. This article examines human capital as a key factor in the development of science-based and popular science tourism through the case of a complex expeditionary route implemented by the Russian Geographical Society in cooperation with Russian research institutions along the “Yamal–New Guinea” axis. The study explores expeditionary travel as a distinctive mechanism for the production, transmission, and popularization of scientific knowledge. Drawing upon field research conducted among the Nenets of Yamal and the Korowai people of the Indonesian part of New Guinea, the article demonstrates that contemporary science-based tourism routes serve not only as instruments for studying remote territories and traditional cultures but also as environments for the formation and development of the human capital of expedition participants. It is argued that such projects contribute to the development of research competencies, intercultural

communication skills, and the ability to operate in challenging natural environments, while simultaneously supporting the reproduction of scientific schools and the continuity of generations of researchers. Particular attention is paid to the interaction between scholars, representatives of local communities, and participants in science-popularization programs, through which a unique educational and research environment is created. The article concludes that expeditionary science-based tourism constitutes a promising mechanism for human capital accumulation, facilitating the preservation of research traditions and fostering broader public interest in science, geography, and cultural heritage.

Keywords: *human capital, science-based tourism, expedition tourism, Russian Geographical Society, Institute of Oriental Studies RAS, Yamal, New Guinea, Korowai people, Nenets people, scientific expeditions, science communication, knowledge transfer, field research*

For citation: *Belyakova N.Yu., Garin A.A. From Yamal to the Heart of New Guinea: On the Issue of Human Capital in Popular Science Tourism // South-East Asia: Actual Problems of Development. 2026. Vol. 2. No. 2 (71). Pp. 362–378. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-362-378*

Ямал

Экспедиционное путешествие состоялось под эгидой Русского географического общества (РГО) совместно с *Mzungu Expeditions*. Участниками стали ученые из Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН, Европейского университета и Института востоковедения РАН.

Северная часть путешествия прошла на Ямале в момент активных перемещений ненцев – канонических арктических кочевников, продолжающих жить, перемещаясь по тундре. Что отправляет в путь, когда оленеводство во многих районах превращается в дотационную статью бюджета, – так сказать, социальное обременение, необходимое для поддержания традиционных способов хозяйствования? Зачем кочевать, если оседлые профессии окружают со всех сторон и сулят простой необременительный быт?

Как жить, когда дорогой спутник актуальнее дешевой, но ненадежной сотовой связи? 100+ км от островков цивилизации-факторий (термин употребляют в настоящем времени, а не в контексте «покорения Сибири Ермаком» – денежный и иногда товарный обмен здесь) уравнивает в (не)возможностях держателей сим-карт любых операторов.

Одним словом, одни вопросы. ... на которые ямальская тундра дает исчерпывающие в своей простоте, но не простодушные ответы.

На Ямале до сих пор все по-настоящему. Большое оленье стадо (800–1000 голов) – доходный бизнес. Кочуют, потому что выгодно. Ненцы – самый крупный этнос России, формально относимый к коренным малочисленным народам Севера, и ведет диалог с промышленными компаниями на равных.

Кочевники северной Евразии ненцы – ареал обитания по арктическому побережью и вглубь материка начинается архангельской Мезенью и граничит с краснойярской Хатангой – защищены не в пример лучше северных народов других арктических держав. Так повелось с советских времен, когда в 1920-х ученые заново классифицировали КМНС, присоединив к ним малые этносы Дальнего Востока и попутно избавив от обидных наименований (так «самоеды» превратились наконец в «ненцев» – то есть вернулись к самоназванию «настоящих людей»).

По сей день в тундре – все гарантии социального государства. «Сколько раз вы рожали в тундре?», – вопрос Жене, 36-летней маме семерых детей с диапазоном от года до 17 – ставит ее в тупик. «Нисколько, – с улыбкой отвечает ненка, покачивая люльку, висящую под потолком чума, – всегда вертолетом заранее улетала в больницу». «А где старшие? – не унимаются гости, обнаружив в чуме помимо младенца только его трехлетнюю сестру, у которой уже есть «свой белый олень, папа подарил». «Самый старший уже поступил в колледж, – растолковывает Женя, – остальные, конечно, в интернате». На каникулы дети возвращаются к родителям. «Домой» здесь значит «в тундру». Каслать. Циклы отдыха от уроков и вековой ритм перемещений удачно совпадают. Летом – каждые руки даже начинающего оленевода на счету.

Следуй за оленем – вообще девиз ямальской тундры. Ритм северной мобильности определен вековым опытом и при этом гибок. Стойбище находится на одном месте ровно столько, сколько оленю нужно для освоения пищевой базы. Заканчиваются небогатые подснежные дикоросы – и олень готов к движению, а люди – к перекочевке. В отличие, скажем, от таймырской тундры, где дикого оленя много, на Ямале в радиусе 300-500 км от разделенного пополам полярным кругом Салехарда «ничейных» оленей нет. Активность на Ямале промышленных компаний существенно сузила ареал обитания и коллективного выпаса. Диких оленей практически не сыскать. Для исключения конфликта интересов и внепланового смешения стад не-

скольких кочующих семей их главы съезжаются по весне, чтобы синхронизировать предстоящие маршруты относительно друг друга. В советский период эти испокон века, происходившие «сверки часов» стали маркироваться как День оленевода. Кстати, праздник тоже кочующий.

Фотография из экспедиционного путешествия
«Ямал+Папуа». Автор: Наталия Белякова

Тундра у представителей «традиционного землепользования» общая, поэтому принято договариваться обо всем загодя.

Особенно о главном, вокруг чего строится жизнь – каслании.

Каслать – значит перемещаться по тундре за стадом, подчиняясь его логике, но неусыпно внося корректировки в зависимости от факторов природных и человеческих – разлива рек, новых районов добычи или переходов через трубопроводы. Вот такая двойственность – человек управляет ситуацией, завися от животного, которое обеспечивает выживаемость в сложных условиях. Даже основу основ – топливо для походной железной печки, вокруг трубы которой организуется чум – ненцы собирают, подчиняясь удобству оленя. Рубят ольшаник по берегам тех рек, у которых остановилось стадо. Остановилось далеко – снегоходные прогулки будут дольше.

Фактически единственный и безальтернативный источник питания, олень дает и всё остальное. Во-первых, дом. На покрытие одного чума идет до 40 шкур, и низкие температуры быстро показывают сла-

бую эффективность других материалов – разве что брезент накинуть сверху, а для настоящего тепла лучше шкур нет.

Во-вторых, одежду, которая тоже всегда начинает и выигрывает у любых термостойких и эко-френдли тканей. На снегоходе – только в бесшовном, непродуваемом, широко подпоясавшись и создав этим дополнительный слой теплого воздуха.

Полый внутри олений волос создает уникальный «термос», благодаря которому можно провести на снегу или льду много часов – и выжить. В год 80-летия Великой Победы уместно напомнить, сколько раненых дождалась эвакуации, будучи завернутыми в шкуры. А «оленные батальоны» справлялись много лучше лошадей – не только из-за приспособленности к низким температурам, но и в силу умения хранить молчание: олени не ржут.

А еще олени помогают хранить традиции – точнее, овеществлять

Фотография из экспедиционного путешествия
«Ямал+Папуа». Автор: Наталия Белякова

самое сокровенное. Например, без них невозможны родовые обереги – неотъемлемая часть мифо-ритуальной структуры, которая у ненцев превосходно уживается с любыми видами христианства, а то и подчеркнутым атеизмом. Предметом нашего выезда, как и полагается в этнографических исследованиях, была фиксация материального и

духовного – и второе, конечно, ухватить сложнее первого. «Я расскажу, но вы не снимайте и не записывайте и вообще никак не сохраняйте», – тихая и немногословная Таня неожиданно императивна. Приходится убрать диктофоны, камеры и надеяться на память. Таня делает куклы – тех самых родовых хранителей, при создании которых со времен позднего неолита смыкается животное и человеческое. Например, в маленьком куколке из шкуры олененка – волосы давно ушедшей прабабушки, из которой сделано «тело» неигрушки. Кукле более сотни лет, и только Тане дано подновлять ей одежду и общаться. «Она сама говорит или вы у нее спрашиваете?», – в полумраке чума, где воцарилась та самая наиважнейшая атмосфера, вопрос от современных людей из столичного племени достигаторов звучит резко.

Антропологи с молчаливым укором оглядываются – эх, нельзя так с информантами: закроется человек и перестанет делиться сокровенным. Но Таня только улыбается наивности спросившего. Ей очевидно: «Когда-то спрашиваю я, иногда она сама говорит. Если только надо предупредить. Мы же общаемся».

Ненецкие куклы входят в реестр культурного наследия России – сложная традиция жива, но теплится и нуждается в поддержке. Эти артефакты ненцы не продают, неохотно показывают и мало комментируют, так что услышанное и увиденное рассматриваем как кредит большого личного доверия.

...Которое этнографы обязательно оправдают – зафиксировав текущие нормы, неписанные правила и самовосприятие ненцев, принимающих гостей. Примкнувшие на одном из этапов полевого исследования туристы играют важную роль. Практики гостеприимства, их динамика раскрываются именно в соприкосновении с Другими. Нам остается только наблюдать – фактуры богато. В этом взаимном обогащении и симбиозе интересов – специалистов, ненцев, туристов – суть экспедиционного путешествия под эгидой РГО.

Человеческий капитал как основа развития научно-популярного туризма

Экспедиционные маршруты, подобные путешествию «Ямал – Папуа», представляют интерес не только как исследовательские проекты, но и как особый механизм формирования человеческого капитала. В современной научной литературе человеческий капитал рассматривается как совокупность знаний, компетенций, навыков, культурного опыта и социальных связей, способных создавать общественную и экономическую ценность^{1,2}. При этом в условиях экономики

знаний особую роль приобретают формы деятельности, обеспечивающие неформальную передачу знаний и развитие исследовательских компетенций.

Научно-популярный туризм относится именно к таким формам. В отличие от массового туризма, его ключевой результат заключается не в потреблении туристского продукта, а в создании нового знания и расширении культурного опыта участников. В подобных выездах формируется особый тип человеческого капитала, сочетающий исследовательские навыки, межкультурную компетентность, способность к работе в сложных природных условиях и готовность к взаимодействию с носителями иных культурных традиций.

Особое значение имеют многолетние экспедиционные программы Русского географического общества. Начиная с XIX века РГО выступает не только организатором географических исследований, но и важнейшим институтом подготовки исследовательских кадров. Экспедиция традиционно выполняет функцию «полевого университета», где знания передаются непосредственно в процессе совместной работы опытных ученых и молодых исследователей. Именно в экспедиционной среде складываются научные школы, формируется преемственность поколений и воспроизводится исследовательская культура^{3,4}.

Экспедиционный туризм РГО принципиально отличается от экспедиций РГО. Во-первых, это прежде всего туристский продукт, который сформирован из позиции конкурентоспособности на рынке (сбалансированная длительность пребывания, набор активностей и др.). Туристы, путешествующие в сопровождении ученых, не обязаны включаться в трек научной работы последних – хотя для непрофессионалов спроектированы слоты возможного посильного участия в полевых этнографических наблюдениях. Эти обстоятельства заметно усложняют выполнение собственно полевых исследований специалистами (наличие таких специальных профессиональных задач помимо просвещения туристов оправдывает термины «экспедиционный» и «научный» применительно к выезду). Ограничения очевидны – невозможно короткое для качественной этнографической работы «поле», фактор наблюдения за коренными обитателями в нетипичной ситуации приема «Другого» и др. Данные ограничения можно отчасти купировать организационно (расширенная программа пребывания ученых - прибывают раньше туристов в «поле» и/или остаются позже) и тематически (фокус исследований смещается на практики гостеприимства). Экспедиционное путешествие – формат, обеспечивающий исследователям возможность выполнить элементы полевой работы

(например, уникальную этнокомпаративистику) за счет туристов. Разумеется, для эффективной реализации всех заявленных задач (проведение исследований научными специалистами, позитивный опыт и возможность дополнительного дохода для принимающих общин, иммерсивный опыт для туристов) необходима соответствующая подготовка всех акторов выезда. Человеческий капитал в данном случае – это и соблюдение норм приема гостей представителями малых этносов, и корректная межкультурная коммуникация со стороны туристов, и навык научных специалистов сочетать логику собственных исследований и просветительский блок на маршруте. Совместными усилиями туроператора (в данном случае – *Mzungu Expedition*), общественной организации и научных институций при участии коренных жителей обеспечивается развитие коллективного человеческого капитала. В его основе – учет индивидуальной подготовки к туру и групповой исследовательской динамики, основанной на уважении к чужим традициям, запроса на реальную (а не постановочную) аутентичность и глубокого познания.

В этом отношении маршрут «Ямал – Папуа» представляет собой пример интеграции различных форм человеческого капитала. В рамках одного выезда взаимодействуют этнографы, антропологи, историки, востоковеды, представители туристской индустрии, представители малых этносов и участники научно-популярных программ. Возникающая среда совместного познания обеспечивает не только сбор эмпирического материала, но и взаимное усиление представителей различных сообществ, объединенных маршрутом. Каждому выезду предшествует длительная подготовительная работа по синхронизации взаимных ожиданий, обеспечения единого представления о целях, задачах, возможностях и ограничениях реализации запросов каждой группы акторов.

Исследования в области образовательного и научного туризма показывают, что включение туристов в реальные исследовательские процессы способствует развитию критического мышления, повышению культурной грамотности и формированию устойчивого интереса к научному знанию^{5,6}. Таким образом, экспедиционный туризм выступает инструментом накопления человеческого капитала не только для научного сообщества, но и для общества в целом.

Маршруты, соединяющие удаленные регионы мира – от арктических пространств Ямала до тропических лесов Новой Гвинеи, – становятся площадками формирования глобальной исследовательской культуры. Их ценность определяется созданием условий для подго-

товки исследователей, способных работать на стыке научных полей (география, антропология, культурология гостеприимства, научное просвещение); путешественников высокой культуры познания и толерантности; туроператоров, обеспечивающих соблюдение интересов коренных народов и однозначное сохранение за ними субъектности; представителей малых этносов, умеющих раскрыть специфику своей жизни без упрощения и следования стереотипам. Качественный (подготовленный) индивидуальный человеческих капитал всех акторов экспедиционного путешествия складывается в коллективный капитал выезда, препятствующий «отуристичиванию» локации и примитивизации гостевого опыта.

В джунглях Новой Гвинеи

Второй частью масштабного полевого эксперимента стало путешествие к короваям. Густые леса Новой Гвинеи веками притягивали внимание ученых и путешественников со всего мира. Среди самых известных первооткрывателей – русский этнограф, антрополог и гуманист Николай Миклухо-Маклай, который в 1871 г. высадился на северо-восточном побережье острова и провел среди местных жителей почти три года. Его дневники, полные подробных наблюдений, по-прежнему остаются настоящим бестселлером. Сегодня эти традиции продолжают.

Стоит сделать важное географическое уточнение. Для многих людей Новая Гвинея по-прежнему остаётся своего рода «бермудским треугольником» в системе координат мировой географии. Важно понимать: Новая Гвинея – это не Африка. Несмотря на схожесть названия с тремя западноафриканскими странами – Гвинеей, Гвинеей-Бисау и Экваториальной Гвинеей – речь идет об острове в Океании, втором по величине острове планеты после Гренландии. Сам остров Новая Гвинея разделен на две части: западная его половина входит в состав Индонезии, а восточная образует государство Папуа – Новая Гвинея, получившее независимость от Австралии в 1975 г. Именно на индонезийской части острова и проходило наше экспедиционное путешествие.

Путешествие на Запад Новой Гвинеи началось задолго до встречи с коровами. Команда преодолела более десятка тысяч километров на самолетах, прежде чем добралась до Агатса – сердца земель асма-тов. Небольшой городок притаился в болотистых дебрях южного побережья Новой Гвинеи, на территории индонезийской провинции Южное Папуа. Это духовное ядро земли асма-тов, народа, всемирно из-

вестного своей резьбой по деревом, мифами и легендами. Популярными на весь мир земли асमत стали после загадочного исчезновения Майкла Кларка Рокфеллера — сын Нельсона Рокфеллера, губернатора Нью-Йорка и будущего вице-президента США. Это случилось в 1961 г., и до сих пор история его исчезновения окутана тайной, страхом и легендами, хотя на деле все гораздо проще: молодой этнограф, вероятно, утонул, заблудился в джунглях или погиб в стычке.

У команды путешественников из России все было гораздо спокойнее. Ученые и туристы переночевали в Агатсе, после чего загрузили сумки и рюкзаки в длинные моторные лодки, отправившись навстречу открытиям. Для начала предстояло пробраться сквозь лабиринты речных рукавов и мангровых зарослей, а также полузатопленные стволы, которые то и норовили посадить лодку на мель. Каждый день — 5–9 часов в лодке, преодолевая верховья легендарной реки Пулау (бывш. Эйланден) и любуясь нетронутыми тропическими лесами. Это настоящее испытание выносливости: под палящим солнцем и среди густых зарослей любой просчет означает риск. Особенно учитывая размеры местных крокодилов — от трех до пяти метров.

Фотография из экспедиционного путешествия
«Ямал+Папуа». Автор: Артем Гарин

Путь через джунгли и реки привел нас к асматской деревне. Но просто высадиться и расположиться на ночлег здесь невозможно. В традиционной системе отношений, которой придерживаются корен-

ные народы Папуа, гостеприимство требует ритуала согласия. Сначала нужно обратиться к лидеру деревни – старейшине или вождю – рассказать о целях визита, кто мы и зачем пришли. Это акт уважения и знак мира. После короткой, но важной беседы старейшина дал свое одобрение.Guestы пригласили разместиться в общем доме, где традиционно живут мужчины, особенно холостяки. Это своего рода общественный центр: место собраний, рассказов, обсуждений важных решений – таковы местные устои. Наутро нас ожидал еще одно яркое событие — церемония асмагов. Каное с гребцами, украшенные традиционными орнаментами, плыли вдоль берега, создавая завораживающее зрелище. Пение, удары по бортам, раскрашенные лица – это символ признания и включения в пространство диалога.

Затем снова загрузка: рюкзаки, блокноты, камеры, – все отправилось обратно в лодки. Впереди – множество переходов по рекам, снова ночевки на полу на туристических ковриках, но вот настает пора собраться силами и отправиться напрямик в джунгли. Как только команда уходит вглубь острова, связь пропадает – наступает полная тишина. Воздух на Папуа необычайно чист, как и вода (пусть и с привкусом древесины). Сплошная чаща древних папоротников и лиан создает атмосферу, будто время остановилось. Более миллиона гектаров тропических лесов Новой Гвинеи остаются практически нетронутыми человеком. В таких местах до сих пор обнаруживают неизвестные науке растения и животных – практически Эдем на Земле.

Наконец команда достигает деревни короваев – народа, проживающего на юго-западе Новой Гвинеи. Их всего около 4 тыс. человек. Семьи короваев традиционно строят дома на высоких деревьях, чтобы защититься от наводнений и диких животных. Считается, что в такие дома не могут проникнуть даже злые духи.

Короваи тепло приняли российских гостей. Здесь нет двойных смыслов – местные жители говорят прямо и от сердца. Короваи приглашали участвовать почти во всех их делах: показали, как строить хижину на высоте 25 метров, сделать ловушку для рыбы из листьев пальм, а также поймать и приготовить вкуснейшую мясистую местную рыбу и даже разделать кабана бамбуковой палкой толщиной в миллиметры.

Каждый рассвет встречал гостей тишиной и свежестью тропиков. Услышав с утра «Маноп!» (хорошо) – так выражали эмоции путешественники и местные жители, – день не мог быть плохим. Вечером все собирались у костра, изучали язык и быт короваев. Иногда приходилось изъясняться жестами, но именно это и создает атмосферу

настоящего взаимопонимания. Особенно ценен сам подход, который русские путешественники проносят сквозь века – искренняя дружба и уважение к коренному населению Океании. Так делали Иван Крузенштерн, Юрий Лисянский, Фаддей Беллинсгаузен, Михаил Лазарев, Фёдор Литке, Николай Миклухо-Маклай, так, благодаря их урокам делают и сейчас.

Фотография из экспедиционного путешествия
«Ямал+Папуа». Автор: Артем Гарин

У многих возникает вполне логичный вопрос: а знают ли короваи о существовании «современного мира»? Почему они не переезжают в города или хотя бы в новые деревни с инфраструктурой, школами и дорогами? Ответ на этот вопрос не столь очевиден, но достаточно прямой. Многие из короваев знают, что существует другая жизнь – с мобильной связью и деньгами. Некоторые бывали в пригородах и даже в районных центрах. Но, побывав там, они сознательно возвращаются обратно – в джунгли. И это не изоляционизм, а выбор, продиктованный практически здравым смыслом. Жизнь в современных деревнях требует перестройки уклада: там сложнее охотиться, труднее собирать плоды, земля истощена. Даже если кто-то решил бы жить ближе к «цивилизации», то для получения элементарных благ – вроде крупы или одежды — нужно плыть на лодке несколько часов до ближайшего магазина. И обратно, естественно. Все это – время, силы, зависимость от внешнего мира. А в джунглях все рядом: охота, саговая пальма, вода, материалы для дома, земля под ямс. Привычная жителям мегаполисов одежда в условиях влажных +27°C особой нужды

не представляет – напротив, она скорее мешает. На самом деле короваи аккуратны, подтянуты, и их образ жизни во многом экологичнее городского.

Фотография из экспедиционного путешествия
«Ямал+Папуа». Автор: Артем Гарин

Будучи с короваями, меняешься и сам. Ты находишься окружении густого леса – «храма» природы, где огромные тропические деревья – «колонны», а звездный небосвод – «купол». В такие моменты приходит то, что редко встречается в городах – настоящая философия. У людей в мегаполисах есть доступ ко всей мысли мира – но внутреннего покоя и целостности зачастую нет. У короваев все наоборот: они не слышали имен Сенеки или Сократа, но живут так, как те и учили. Они не гонятся за вещами, у них нет социальной тревоги и «выгорания». У них есть главное – вода, еда, жилье, семья и взаимопомощь. Они улыбаются искренне, делятся последним, в их взгляде – мир. Это потрясает. Именно здесь, сидя на деревянной циновке у костра, приходит понимание: многим в «цивилизации» кажется достижением усилие над собой, чтобы заняться наконец-то делом, с для новогвинейцев из джунглей является нормой. И в этом мудрость, наполненная вечным смыслом.

Как только экспедиционное путешествие подходит к концу, участники возвращаются домой уже другими людьми. Общение с народом короваи пробуждает новое видение жизни. Новогвинейцы

своим примером напоминают о ценности простоты, искренности и единстве с окружающим миром. Многие находят вдохновение в этих уроках. Такие путешествия не проходят бесследно — они навсегда меняют людей. Впечатления остаются на всю жизнь, становясь гораздо более ценными, чем любой городской опыт.

Фотография из экспедиционного путешествия
«Ямал+Папуа». Автор: Артем Гарин

* * *

Экспедиционный маршрут «Ямал – Новая Гвинея» представляет интерес не только как исследовательский проект, объединивший различные регионы мира и культуры, но и как пример формирования человеческого капитала в сфере научно-популярного туризма. Проведенные полевые исследования показали, что современные экспедиции выступают пространством производства нового знания, междисциплинарного взаимодействия и передачи исследовательского опыта между поколениями ученых.

Материалы, собранные на Ямале и в индонезийской части Новой Гвинеи, позволили зафиксировать различные модели адаптации традиционных сообществ к современным социальным и экономическим изменениям. Вместе с тем не менее важным результатом экспедиции стало формирование среды совместного обучения, в которой исследователи, представители местных сообществ и участники научно-популярных программ становятся соавторами процесса познания.

Полученные данные позволяют рассматривать научно-популярный туризм как особую форму развития человеческого капи-

тала. Его ценность определяется не только расширением кругозора участников, но и приобретением практических исследовательских навыков, развитием межкультурной компетентности, повышением уровня научной грамотности и формированием устойчивого интереса к изучению мира. В этом отношении экспедиция выступает своеобразным «полевым университетом», где происходит интеграция академического знания, практического опыта и культурного взаимодействия.

Особое значение имеет роль Русского географического общества и российских научных организаций в создании подобных маршрутов. Многолетняя экспедиционная деятельность РГО способствует воспроизводству исследовательских традиций, подготовке новых поколений специалистов и укреплению общественного интереса к географическим, историческим и антропологическим исследованиям. Благодаря таким проектам человеческий капитал развивается не только в научном сообществе, но и в более широком общественном пространстве.

Таким образом, маршрут «Ямал – Новая Гвинея» демонстрирует, что научно-популярный туризм может рассматриваться как самостоятельный механизм накопления человеческого капитала. Его развитие создает условия для сохранения научных школ, популяризации науки, укрепления международного гуманитарного сотрудничества и формирования новых поколений исследователей, способных работать в сложных природных и культурных контекстах.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЯКОВА Наталия Юрьевна, кандидат исторических наук; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ГАРИН Артем Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Россия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 30.05.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia Yu. Belyakova, PhD (Hist.), Assistant Professor, Head of Laboratory of Communications in Creative Industries, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Artyom A. GARIN, PhD (Hist.), Research Fellow, IOS RAS, Moscow, Russia

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 30.04.2026; approved 15.05.2026; accepted to publication 30.05.2026.

¹ Becker G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 402 p.

² Schultz T. W. Investment in Human Capital // *American Economic Review*. 1961. Vol. 51, No. 1. P. 1–17.

³ Григорьев А. А. *Развитие географической науки в СССР*. Москва: Наука, 1968. 416 с.

⁴ Берг Л. С. *Очерки по истории русских географических открытий*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1946. 296 с.

⁵ Falk J. H., Dierking L. D. *Learning from Museums: Visitor Experiences and the Making of Meaning*. 2nd ed. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018. 432 p.

⁶ UNESCO. *UNESCO Recommendation on Open Science*. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2021. URL: <https://unesdoc.unesco.org>